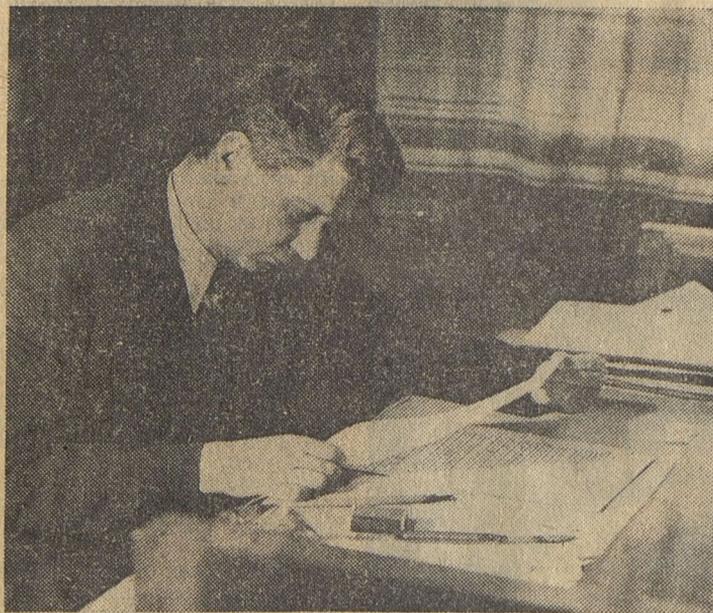

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Ф. ПОГОДИНА

ЗОЛОТОЙ ФОНД НАШЕЙ ДРАМАТУРГИИ

● Николай Федорович Погодин за работой. 1949 год.
Фото Е. Халдея.

«Это был мастер сильного и смелого таланта. Человек, всю жизнь работавший много и страстно, смело искавший, не унывавший при неудачах, зло и весело засучивавший рукава для драки с живучими остатками старого мира...», — писал К. Симонов. Драматургия Н. Погодина привела на сцену героев, увиденных им в бурном потоке жизни. Разговор современников о своем времени нашел горячий отклик в сердцах зрителей. Автор был не созерцателем происходившего, а его участником. Хорошую журналистскую закалку он получил в «Правде». Каждая поездка давала и материал для будущих пьес. В 1929 году Погодин написал «Темп». Позже зритель увидел «Поэму о топоре», «Мой друг», «Аристократы»... Трудовой подвиг советских людей, энтузиазм, воля и энергия строителей нового, роль коллектива в сложном процессе воспитания нашли свое воплощение на сцене.

В золотой фонд отечественной драматургии вошла погодинская Лениннана — «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая», — за которую драматург удостоен Ленинской премии. Многие пьесы драматурга и сегодня занимают достойное место в репертуаре ведущих театров страны.

В творческом наследии Николая Федоровича Погодина есть много публицистических статей, заметок, выступлений, направленных на утверждение принципов социалистического реализма в советской драматургии, на поддержку всего нового, свежего, талантливого. Публикуемые сегодня статьи не потеряли своей актуальности и по сей день, отличаясь ярким жизнеутверждением, призывом к новаторству, к жизненной правде.

ДРАГОЦЕННОЕ КАЧЕСТВО

Советская драматургия — это новое, невиданное явление в искусстве. Мне кажется, а возможно, это подтвердят и другие литераторы старшего поколения, что она возникла стихийно под влиянием разительно новых явлений действительности, под влиянием новых и удивительных отношений между людьми.

Помню, как на месте нынешнего завода-гиганта Сталинградского тракторного было голое поле. Прямо у меня на глазах возникали там железнодорожные ветки, огромные корпуса. Все это рождалось неожиданно, неслыханными, непонятными темпами. Явления эти были как бы внешними, касались только промышленности, но мы, газетчики, очеркисты, видели в жизни и нечто более глубокое и ошеломляющее. Для тех, кто знал народ, знал это прошлое, это имело громадное психологическое значение.

Нас восхищало и удивляло то, что наши люди могли выдержать такой накал, такое напряжение. Все это и побудило меня тогда взяться за создание пьесы о Сталинградском тракторострое, о социалистическом пафосе в труде. Это была пьеса-очерк «Темп». Тут же я написал пьесу «Поэма о топоре» — удивительную историю открытия советской нержавеющей стали. Традиции таких пьес у нас не было. Но мы брались за эти новые пьесы в едином порыве, не имея опыта и теории, — В. Катаев («Время, вперед!»), В. Киршин («Рельсы гудят»), А. Афиногенов («Чудак»). Трудно себе пред-

ставить, кому в капиталистическом обществе нужна пьеса о темпах стройки. Никому! А у нас появилась целая серия таких произведений. И их подсадили жизнь советского народа, пафос строительства социализма.

Театр вначале принял новые пьесы с опаской, осторожно. Много было сложностей при их постановке. Да и вещи эти были далеки от совершенства.

Но потом театр увлекли новые лица, невиданные герои. Во многом успеху пьес способствовало то, что зритель — участник великих свершений первых пятилеток — был подготовлен жизнью к восприятию подобных пьес.

Помнится, шел горячий спор о том, как показывать героя современности: «под потолком» или «без потолка»? Условным термином «под потолком» обозначалась психологическая семейная драма. Мы утверждали, что нашего героя дома не застанешь. Он на стройках, на заводах. Участие в строительстве социализма стало для него главным, заполнило его жизнь, как нам казалось, личное отодвинулось на второй план. Так мы его и показывали в своих пьесах.

Мы писали о людях, создающих материальные ценности, писали о топорах, бетоне, цементе.

Захваченные всеобщим энтузиазмом, мы стремились показать героя в его общественном деянии, как социалистическую личность. Это было новым в советской драматургии, новым драгоценным ее качеством.

РАСТИТЬ МОЛОДЕЖЬ ПО-ГОРЬКОВСКИ

...Мне хотелось в этой статье обратиться и к писательской молодежи. Тяга в драматургию сейчас велика. Немало наших начинающих литераторов пишут или уже написали свои первые пьесы. В этих пьесах, которые они подчас тщетно носят из театра в театр, есть несомненное знание жизни, яркие наблюдения, но нет иногда профессионального мастерства. В большинстве случаев герои этих драм и комедий больше говорят, чем действуют, конфликт не ясен, образы написаны схематично.

М. Горький учил нас, что пьеса — драма, комедия — самая трудная форма литературы. Она требует, чтобы каждый действующий в ней герой характеризовался только своим словом и делом, без подсказываний со стороны автора. Действующие лица нельзя описать, как это делается в романах. Стало быть, самое главное — это найти разнообразные словесные характеристики, богатство языка. Всему этому следует упорно учиться у наших классиков, у лучших советских литераторов.

В своей знаменитой статье «О пьесах» Алексей Максимович, замечая, что люди разнообразны: этот — болтлив, тот — лаконичен, этот — назойлив и самовлюблен, тот — застенчив и неуверен в себе, — требует, чтобы драматург, взяв любое из этих качеств, углубил его, расширил, придал ему остроту и яркость, сделав избранное качество главным и определяющим характером той или иной фигуры пьесы.

Чтобы достичь мастерства, надо изучать людей, прислушиваться к их речи, искать в них яркое, типическое.

Все это, конечно, более или менее известные положения. Но просто заучив их наизусть, нельзя еще написать хорошую пьесу. Молодой литератор должен читать и перечитывать бессмертные произведения Фон-визина, Гоголя, Чехова, Островского, Мольера... Вспомните, как ярко и сочно разговаривают крестьяне толстовских «Плодов просвещения», как предельно ясны речевые характеристики Фамусова и Молчалина, Тартюфа и Городничего. В нашей советской драматургии незабываемые образы Любви Яровой и многих других героев.

Нужны не только мастерство, но и настоящая писательская смелость. Пьеса есть пьеса, а жизнь есть жизнь. В жизни встречаются свои разочарования, неудачи. Нельзя лукавить, кривить душой, нельзя фальшивить. Есть у нас и такие авторы, которые все раскладывают по полочкам заранее. «У меня в пьесе, — говорят они, — четыре положительных и три отрицательных героя. Иначе нельзя...»

Такие авторы просто трусливы, они боятся жизни, не понимают ее. Вспомните «Фронт» А. Корнейчука. Когда была написана эта пьеса, которую я считаю исторической вехой в нашей драматургии? В самые тяжелые годы войны, когда враг стоял под Москвой. Перед лицом врага мы не боялись выпустить на сцену такое произведение, не боялись громко и открыто осмеивать и бичевать Горлово. Это и есть наша советская, партийная смелость! Это и есть реалистическое отражение действительности и существующих в реальном мире образов...